

ЛИНГВОПОЭТИКА

Образы языкового сознания: к проблеме индивидуально-специфического (на материале поэзии И. Анненского и Г. Иванова)

© кандидат филологических наук И. А. Тарасова, 2001

В работах, посвященных этнокультурной специфике языкового сознания¹, основное внимание уделяется межкультурному сопоставлению образов сознания. «Нет одинаковых национальных культур, более того, нет одинаковых образов сознания, отображающих одинаковые или даже один и тот же культурный предмет... Умственный образ этого предмета... всегда несет в себе элементы национально-культурной специфики,» – справедливо утверждает Е. Ф. Тарасов². Думается, сопоставительный аспект вполне правомерен и в отношении образов сознания внутри одной национальной культуры, зафиксированной в текстах художественных произведений разных писателей. Овнешненные в эстетической деятельности художников слова, эти образы вполне доступны наблюдению исследователя, который, ориентируясь на языковые репрезентации, строит свою гипотезу строения картины мира каждого писателя.

В настоящей статье предпринята попытка сравнить образ смерти в языковом сознании двух замечательных русских поэтов XX века – И. Анненского и Г. Иванова. И. Анненский относится к числу авторов, наиболее часто цитируемых поздним Г. Ивановым. Близость своего мироощущения и стилевых принципов «учителю» акмеистов провозглашена самим Г. Ивановым в известном стихотворении – центоне «Я люблю безнадежный покой...» Тем интереснее выявить различия в представлениях и ассоциациях, связанных со смертью у каждого из поэтов.

Категория смерти – несомненно, центральная в поэтическом мире И. Анненского. На эту особенность его мировосприятия обращали внимание еще современники поэта. «В лирике, основанной на такого рода душевных состояниях, как лирика И. Ф., – писал М. Волошин, – представление о смерти не может не занимать громадного места. И она за-

¹См., например, Этнокультурная специфика языкового сознания. М., 1996.

²Тарасов Е. Ф. Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. М., 1996. С. 19.

нимает его и притом в самых скорбных и мучительных и безобразных своих ликах... Он знает тысячу интимных примет ее»³. «Мысль о смерти никогда не покидала Анненского, – вторит М. Волошину А. Гизетти⁴. – Каждый конец напоминает ему о ней, все, вплоть до смолкающей в воздухе струны.» Приходят на память строчки самого Анненского: «Иль я не с вами таю, дни? Не вяну с листьями на кленах? Иль не мои умрут огни В слезах кристаллов Растопленных?» (с. 189)⁵.

Ощущение «всеобъемлемости смерти» создается отнюдь не за счет высокой частоты употребления соответствующей лексемы. (В частотном словаре поэтического языка И. Анненского эта единица имеет достаточно скромную частоту – 11 употреблений на 19500 словоформ, у Г. Иванова – чуть больше: 21 употребление на 32000 единиц). Довольно часто табуируемая (ср. строчки Г. Иванова: «Поговорим с тобой о самом важном, О самом страшном и о самом нежном, Поговорим с тобой о неизбежном»), как, впрочем, и в общезыковом сознании, эта константа проявляет себя через круг ассоциатов и символов, отсылающих к центральной категории. Если использовать для анализа образа смерти модель семантико-ассоциативного поля, то можно контурно очертить его своеобразие в поэзии И. Анненского и Г. Иванова.

Ядерная зона поля включает единицы, имеющие сему «смерть» в узуальном значении. Набор этих лексем у двух поэтов во многом пересекается. Среди них представители разных частей речи:

- существительные (*агония, гибель, смерть, плен, тление, умирание, успение* – рисующие сам процесс прекращения жизни; номинатемы, связанные с похоронным обрядом, – *венки, гроб, гробница, гробовщик, кладбище, могила, панихида, помин, саван, fosse commune*; номинации умершего – *мертвец, прах, тело*, эвфемизм *гость*);
- прилагательные (*гробовой, мертвый, мертвенный, могильный, погиблый, посмертный, похоронный, траурный*);
- глаголы (*умереть/умирать, погибнуть*);
- наречия (*мертво, мертвей*).

К ядерной зоне примыкают перифрастические обозначения, связанные с могильной анатомией: *могильная насыпь, холодная яма, черная яма, смрадная тюрьма, плита надгробная, гранит*.

Элементы ядерной зоны «предоставляются» в распоряжение поэту самим языком, и индивидуальность автора проявляется прежде всего в

³ Волошин М. Анненский — лирик // Аполлон. 1910. № 4. С. 15.

⁴ Гизетти А. Поэт мировой дисгармонии // Петроград. Литературно-художественный альманах. П.-М., 1923. С. 61.

⁵ Здесь и далее цитаты с указанием страниц приводятся по изданию: *Анненский И. Ф.* Стихотворения и трагедии. Л.: Сов. Писатель, 1990.

выборе из общего языкового набора. Например, в идиолекте Г. Иванова активно представлены языковые единицы, репрезентирующие идею насильственного прерывания жизни: *самоубийство, петля, веревка, пуля, кинжал, цианистый калий, сулема, палачи; расстреливать, утопить*; реалии, отражающие современные «методы» уничтожения людей: *горчичный газ, бомбы, припадок атомической истерики*. Для И. Анненского, не бывшего, как Г. Иванов, свидетелем двух Мировых войн, такой аспект представления смерти нехарактерен. Г. Иванов более циничен (может быть, нарочито) в описании перспектив собственной смерти, его стихи изобилуют стилистическими контрастами: «Довольно! Больше не могу!» – Поставьте к стенке и *ухлопайте!*» (с. 539)⁶; «Никто не пожалел. И не помог. И вот приходится *смываться*» (с. 580).

К центральной зоне поля нами отнесены слова-символы, как общеязыковые, так и индивидуально-авторские. Например, и И. Анненский, и Г. Иванов используют архаическую символику плавания как пути на тот свет. Ср. у Анненского: «Уплывала Вербная неделя На последней, на погиблой снежной льдине; Уплывала в дымах благовонных, В замираньи звонов похоронных, От икон с глубокими глазами И от Лазарей, забытых в черной яме» (с. 91).

У Г. Иванова: «Это месяц плывет по эфиру, Это лодка скользит по волнам, Это жизнь приближается к миру, Это смерть улыбается нам» (с. 298). Достаточно традиционны образные параллели, восходящие к семантическому инварианту смерти — преграда (*стена, порог, ограда*); смерть — вход в иной мир (*люк в ту смрадную тюрьму; в немую тюрьму ворота; дверь, дыра, калитка*), смерть — вечный сон.

Оба поэта используют общеязыковую символику частей суток (ночь), времен года. Так, осень постоянно вызывает мысли о смерти у И. Анненского («Трилистник осенний»), эта же стереотипная ассоциация присутствует в раннем творчестве Г. Иванова. Эти и подобные образные выражения идеи смерти позволяют сделать выводы о национальной обусловленности поэтической символики.

На общеязыковые коннотации опираются оба поэта при обращении к цветовым эпитетам. Традиционным ассоциатом смерти является в узусе черный цвет, входящий у обоих поэтов в тройку самых употребительных цветов.

Индивидуально-авторскими цветовыми символами смерти являются «желтый» у И. Анненского и «синий» у Г. Иванова. Такие индивидуальные символы смерти наиболее интересны для сопоставительного описания. К их числу относится, например, у Анненского, черная весна – нетрадиционно проинтерпретированный (со знаком минус) об-

⁶Цитаты с указанием страниц приводятся по изданию: *Иванов Г. В. Собр. соч. В 3-х тт. Т.1. М.: Согласие, 1993.*

раз весеннего возрождения. Интертекстуальный отклик в русской поэзии XX века обрела персонификация «Левкоем и фенолом равнодушно дышащая Дама» (с. 106). Ср., между прочим, ее контаминированное использование Г. Ивановым: «Много в нем (сердце – И. Т.) всевозможного хлама... И царит в нем Прекрасная Дама, Кто такая – увидишь сама» (с. 379). Обращается Г. Иванов и к другому некрологическому образу своего предшественника – символу «залитая чернилом страница». Особенностью поэтики Г. Иванова является выведение на поверхность символического плана, присутствующего у Анненского как намек, ассоциация. Например, одному из стихотворений ивановского цикла «Дневник» предпослан эпитафия из Анненского: «...Мне всегда открывается та же Залитая чернилом страница...» Образ страницы появляется у Г. Иванова в тексте под эпитафией, где его символический смысл эксплицируют лексема «умру» и оценочные прилагательные: «Может быть, умру я в Ницце, Может быть, умру в Париже, Может быть, в моей стране. Для чего же о странице Неизбежной, черно-рыжей Постоянно думать мне!» (с.442).

У Г. Иванова символическое выражение идеи смерти связано с образами музыки и звезды. Звезда – один из многоплановых символов поздней лирики Г. Иванова. В ряде контекстов можно говорить о совмещении в его семантической структуре двух образных линий: звезда — смерть и звезда — судьба. Поэт расщепляет общеязыковой фразеологизм «путеводная звезда» («о том, что направляет, определяет чью-либо жизнь»), обыгрывая его в одном из последних стихотворений «Посмертного дневника»: «В горле тошнотворный шарик, Смерти вкус на языке, Электрический фонарик, как звезда, горит в руке. Как звезда, что мне светила, Путеводно предала, Предала и утопила В средиземных волнах зла» (с. 585).

Другой образец переосмысления традиционной символики – рассмотрение музыкальной первоосновы бытия под углом категории смерти. Как и у И. Анненского, музыка Г. Иванова – бессмертное начало, жилища вечности. Но именно поэтому она становится вестницей смерти для его лирического героя, покидающего ради вечности земной мир.

На периферии семантико-ассоциативного поля смерти находятся языковые единицы, характеризующиеся взаимной встречаемостью с ядерным словом в рамках ограниченного контекста. Число этих «знаков смерти» у И. Анненского особенно велико. Это может быть практически любая реалья, которая, попадая в «сильное» семантическое окружение, приобретает зловещий характер: «с рожком для синих губ подушка кислорода», «белеющие зеркала», «дыханье фенола», хризантемы как цветы похоронного венка и даже «загибы калош» агента похоронного бюро («У св. Стефана»). Заряжаясь некрологическим личностным

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. — М.: МАКС Пресс, 2001. — Вып. 18. — 132 с. ISBN 5-317-00268-0

смыслом, эти лексемы, попадая в иное семантическое окружение, хранят отпечаток этого смысла и экстраполируют его на новый контекст, создавая своеобразный трагический подтекст. Именно о таких случаях употребления «будничных слов» писал Т. Манн: «Жизнь и постижение ее наделяют отдельные вокабулы оттенком вовсе чуждым их будничному смыслу, грозным нимбом, невидимым тому, кто хоть однажды с ними не столкнулся в их самом страшном значении».

Фиксация подобных личностных смыслов позволит наметить новые вехи в исследовании образов языкового сознания в их индивидуальной специфике.